

Ирэн Адлер
Последнее действие спектакля
Серия «Шерлок, Люпен и я», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7420106
Адлер, Ирэн Последнее действие спектакля: роман: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084041-0

Аннотация

В этот раз Ирэн, Шерлок и Люпен направляются в Лондон. Однако Люпен на место встречи не приезжает: его отца Теофраста арестовали по обвинению в убийстве Альфреда Санти, секретаря великого композитора Джузеппе Барцини. Друзья начинают собственное расследование и вскоре понимают: им придется не только спасти отца Люпена, но и найти знаменитую оперную певицу Офелию Меридью, которую, кажется, похитили...

Содержание

Глава 1. Тревожное время	5
Глава 2. Прекрасная новость	8
Глава 3. Синий поезд	14
Глава 4. Странная встреча	18
Глава 5. Божественная Офелия	21
Глава 6. В городских трущобах	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ирэн Адлер

Шерлок, Люпен и я. Последнее действие спектакля

Original title: Ultimo atto al Teatro dell'Opera

Text by Pierdomenico Baccalario and Alessandro Gatti

Illustrations by Iacopo Bruno

Впервые опубликовано издательством Edizioni Piemme S.p.A.

All names, characters and related indicia contained in this book, copyright of Atlantyca Dreamfarm s.r.l., are exclusively licensed for Atlantyca S.p.A. in their original version. Their translated and/or adapted versions are property of Atlantyca S.p.A.

All rights reserved.

© 2012 Atlantyca Dreamfarm s.r.l., Italy

Editorial project by Atlantyca Dreamfarm s.r.l., Italy

International Rights © Atlantyca S.p.A., via Leopardi 8-20123 Milano –
Italia – foreignrights@atlantyca.it – www.atlantyca.com

© И. Константинова, перевод на русский язык, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2014

Глава 1. Тревожное время

Спустя многие годы после тех далёких событий мне трудно признаться, что в то ужасное время, когда прусская армия осаждала Париж, мои мысли целиком были заняты удивительными друзьями, с которыми пришлось расстаться по окончании летних каникул.

В те дни пруссаки продолжали неудержимое наступление, беспомощная французская армия отступала после позорного поражения при Седане. К счастью, Шерлок находился в безопасности, вдали от Франции, а Люпен, где бы ни оказался, всегда умел позаботиться о себе. Не могу поэтому сказать, что тревожилась об их судьбе, и всё же...

Впрочем, в то время я ещё не знала слов, которые только что использовала, – «беспомощная» и «позорное». Они пришли со временем, по зрелом размышлении.

А тогда, в том далёком сентябре 1870 года, сердце моё билось в непредсказуемом ритме молодости, и мысли в моей голове витали причудливые, пожалуй, правильнее сказать – безотчётные.

Война, как я уже сказала, была проиграна, и на улицах Парижа только и говорили, что о разгроме империи и неминуемом падении Франции под штыками армии короля Альберта Саксонского. И те, кто призывал заключить достойное перемирие, схватывались врукопашную с теми, кто, напротив, готов был добровольцем отправиться на фронт или присоединиться к патриотам и погибнуть, сражаясь за каждый дом, за каждую улицу.

А я, Ирэн Адлер, тем временем каталась в карете, проезжавшей сквозь взбудораженные, испуганные толпы народа, и жила в нашем особняке в Сен-Жермен-де-Пре, где моя приёмная семья решала, что делать дальше.

Говорю сейчас о приёмной семье, хотя в то время я весьма смутно представляла своё происхождение и никогда не задумывалась, даже не пыталась искать ответа на вопрос, почему с моими веснушками, рыжими волосами и голубыми глазами я нисколько не похожа ни на папу, ни на маму.

Вспоминая об этом теперь, могу сказать, что меня тогда не слишком многое интересовало.

Были, конечно, вопросы, которые немало беспокоили: война и осада Парижа. Но намного больше тревожило меня другое. Как во всём этом сумбуре – развал почты, чадающие дымовые трубы, солдаты в лохмотьях, оставшихся от императорских мундиров, итальянские уличные газетчики, за две монетки продающие на каждом углу новости, – как узнать что-нибудь о Шерлоке и Арсене?

Думая о том времени, вспоминаю, как меня без конца успокаивали: не нужно ни о чём думать, не нужно ничего опасаться. И многие девочки из подходящих для нашей семьи домов, которых мама навязывала мне в подружки, были именно такими: ни о чём не беспокоились и ни о чём не тревожились.

Несколько дам с дочерьми как раз пришли к нам в тот вторник в гости. Из окна над дверью моей комнаты я наблюдала, как они входят. Ну словно утки, что зимуют на неболь-

шом озере в Тюильри, только вместо переливчатых перьев подруги моей мамы и их дочери (никакие они мне не подруги!) выставляли напоказ голубые, розовые и жёлтые платья. Свои рыбки глаза прятали под милыми шляпками с вуалью, а гладкие, нежные ручки – в сливочного цвета перчатках. Конечно же, у них на вооружении имелись крохотные шёлковые веера и драгоценности, от которых у любого вора слюнки потекли бы.

Зная, что в некоторых кварталах города пекарни нормировали продажу хлеба и многие городские рынки являли собой печальное зрелище пустых шкафов и полок, я должна была бы негодовать по поводу такой неуместной роскоши.

Но в этом доме меня ещё считали маленьким ребёнком, и хотя я прекрасно понимала, что уже не дитя, нередко вела себя как маленькая девочка, вопреки моему возрасту. Я делала вид, будто на душе у меня тихо и спокойно, а на самом деле, когда оставалась одна или виделась со своими двумя замечательными друзьями, душа моя словно высвобождалась из плена и воспламенялась тысячами обуревавших меня мыслей.

Итак, парижанки расположились в гостиной, а дворецкий Нельсон стоял возле моей комнаты на верхнем этаже, где обычно спала прислуга.

– Мисс Ирэн... – со вздохом повторил он уже во второй раз. – Миссис Адлер ждёт вас.

Я ещё раз взглянула на письма, которые разложила на письменном столе, и ответила ему тоже вздохом.

– Иду, – солгала я, не в силах оторвать взгляда от плавного, красивого почерка, каким написал своё длинное письмо Шерлок. Он вручил мне его минувшим летом в день отъезда из Сен-Мало. Я наизусть знала это письмо, потому что перечитывала уже множество раз, пока ехала в Париж.

И все следующие дни.

Шерлок желал мне благополучного возвращения домой и впервые с тех пор, как мы познакомились, кратко касался того, что происходит во Франции. Находясь вдали от столицы на отдыхе в Сен-Мало, куда почта доставлялась медленно и нерегулярно, мы пребывали там почти в полном неведении о том, что творилось в стране.

Но невозможно жить всегда в полном благополучии и вдали от мира.

Так что я вернулась в Париж, а Шерлок с братом, сестрой и матерью отправился в Лондон, где, как он считал, всё будет хорошо. И хотя его мать непрестанно жаловалась на всё на свете: на адский шум многолюдных улиц и невыносимую вонь, на грубость горожан и назойливое приставание торговцев, Шерлок, очевидно, иначе смотрел на вещи. Он знал, или, может быть, только надеялся, что в этом городе легко достанет любую книгу, какую захочет прочитать, и для этого нужно всего лишь заглянуть в какую-нибудь книжную лавку на Чаринг-Кросс.

А кроме того, он начал брать уроки игры на скрипке! Известие об этом, объявленное без всяких преамбул, заставило меня улыбнуться. И если поначалу я решила, что он шутит, то дальше сухой, решительный тон письма в конце концов убедил меня, что мой друг говорит вполне серьёзно.

Холмс, играющий на скрипке! Он казался мне слишком активным и нетерпеливым, чтобы освоить искусство, для овладения которым требовались бесконечные, длительные упражнения. Это всё равно что представить себе Арсена Люпена в монашеской рясе.

А на самом деле?

А на самом деле я провела несколько бессонных ночей, слушая, как грохочет на окраинах Парижа прусская артиллерия и представляя себе Шерлока Холмса, стоя играющего на скрипке. Может, это был только способ не думать о войне, которая подошла уже к дверям моего города? Кто знает. Дальше Шерлок писал более торопливо и немного неук-

люже. Высказал пожелание, чтобы наша встреча в Сен-Мало оказалась не единственной, и надежду, что рано или поздно я смогу приехать в Лондон, а семья Холмс посетит Париж, хотя бы когда всё успокоится и путешествовать станет менее опасно.

Письмо завершилось так:

В обоих случаях обещаю, что беру на себя заботу показать тебе все самые неподобающие и не рекомендуемые для посещения места в городе, где снова случится быть вместе! Твой Шерлок Холмс.

Я перечитала письмо бог знает в который раз, когда мистер Нельсон осторожно постучал в дверь, призывая меня к моим обязанностям. Гостиной требовалось моё время. А я не намерена была уступать ей ни мгновением больше необходимого.

– Входи же, Нельсон... – позвала я, складывая письмо Шерлока.

– Не я должен войти, мисс Ирэн, – возразил мне огромный чернокожий человек, служивший в нашей семье с самого моего рождения. – Это вы должны выйти. Гости ждут вас.

– В самом деле? – спросила я, подняв бровь. – И что им от меня нужно? Хотят понять, знаю ли я латинскую поэзию, услышать моё мнение о моде военного времени или узнать, к кому питаю особую симпатию?

– Скорее всего именно последнее... – улыбнулся Нельсон.

Теперь могу сказать об этом откровенно: я куда легче находила общий язык с мистером Нельсоном, чем с моей матерью.

Не возмущайтесь. Никто из нас ни в чём не виноват.

Я – отнюдь не послушная девочка.

А она – не моя мать.

Глава 2. Прекрасная новость

– Этот чай просто восхитительный! – прошептала девочка в белом платье, изящно украшавшая небольшой диван в гостиной, словно кремовый завиток на пирожном.

Я проигнорировала её ради безопасности нас обеих и посмотрела в высокое окно. Сам воздух казался разряженным. Огромные тучи неслись по небу с запада на восток. И я невольно подумала о скоротечности времени и о том, как сама теряю его, позволяя ему растворяться, подобно сахару в горячем чае.

Не прошло и четверти часа, а мне уже казалось, что я схожу с ума.

Я знала, что Нельсон стоит за одной из лакированных дверей гостиной, и завидовала ему. Он, по крайней мере, мог тайно смеяться над этим никчёмным жеманством, над пустыми разговорами и вымученными беседами, которые, похоже, так ценила моя мать, признавшаяся, что ей очень недоставало их во время отдыха в Сен-Мало.

Казалось, за время, проведённое у моря, солнце даже не коснулось её томного лица, а движения сделались ещё медленнее и ленивее. Рассказывая об отдыхе на берегу Нормандии, она говорила о непередаваемой скуке, от которой страдала там, и подчёркивала жизненные неудобства в этом месте, которое мне виделось таким прекрасным.

– Но это лучше, чем находиться в Седане, – хотелось мне возразить ей и напомнить, что в это самое время на другом конце Франции люди погибали на войне. Но это и в самом деле получилось бы грубо с моей стороны даже при том, что в тот день я исходила злобой. Я не стала доставлять матери неприятности. Мне просто захотелось поскорее избавиться от этого общества.

И тогда я решила пойти на своего рода компромисс: бросить камешек в стоячее болото этого разговора.

– Сегодня утром я слышала выстрелы на площади, а вы? – спросила я, надкусывая печенье. – Похоже, даже убили кого-то!

– Убили?

– А почему убили?

– А он был женат?

Всполошились, однако, маленькие гарпии.

И мне снова захотелось взглянуть на мистера Нельсона.

Меня учили, что тщеславие – не лучшая черта характера. Но между отсутствием тщеславия и желанием, чтобы тебя забыли, большая разница. Я не забыла своих летних друзей по Сен-Мало и надеялась, что они тоже помнят меня.

Арсен Люпен написал через несколько дней после моего отъезда, и думаю, только чудом его лаконичная открытка дошла до меня, несмотря на плохую работу почты в военное время.

Несколько строк без всяких красивых фраз, как в письме Шерлока, но от этого не менее интересные: я поняла, что он давно думал обо мне и что признаться в этом самому себе стоило ему некоторого усилия.

На оборотной стороне открытки с волнистыми краями он написал:

Уезжаю с отцом на поиски площадки для выступлений. Надеюсь, что с тобой всё в порядке и наши дороги снова пересекутся. Не пытайся ответить мне, не могу сообщить никакого адреса. Целую тебя.

В этом смелом завершении письма отразилось всё смущение Люпена.

Целую. Словно он привык писать подобные слова такой подруге, как я.

Или как если бы поцеловал меня.

А на самом деле?

На самом деле, пока моя не-подруга в платье цвета зелёного горошка что-то говорила маме про какую-то преподавательницу пения (та поделилась с ней надеждой снова записать меня в Академию после окончания войны), я представила себе тонкое, красивое, обрамлённое чёрными кудрями лицо моего необыкновенного друга Люпена и подумала о том, что бы я почувствовала, если бы и правда поцеловала его. От одной только мысли об этом я покраснела и рассмеялась, едва не пролив чай на платье.

– Ирэн? С тобой всё в порядке, моя дорогая? – спросила мама, и в глазах её мелькнуло беспокойство. Как многие матери того времени, она считала необходимым постоянно контролировать всё, что я делаю, находясь в обществе.

Она была просто восхитительна, моя мама. Говорю это без всякой иронии: в определённом смысле она действительно заслуживала восхищения. Она умела притвориться, будто говорит со мной, а на самом деле обращалась к своим подругам, ища во мне союзницу, чтобы продемонстрировать достойнейшее лицо нашей богатой семьи, которая могла преспокойно пить чай с пирожными, даже когда рушилась империя.

Мне не хотелось подрывать её доверие, хотя это и стоило труда. Я тысячу раз предпочла бы сидеть в библиотеке среди моих книг или (хорошо бы!) гулять по городу с Шерлоком и Люпенем.

Но я была девочкой, к тому же из порядочной семьи, и всё, что дозволялось мальчику, мне, безусловно, запрещалось.

– Всё в порядке, мама, – ответила я.

И постаралась уловить обрывок разговора, чтобы ухватиться за него и продолжить беседу, сдерживая при этом возбуждение от грёз наяву и одновременно зевоту от окружения.

Мне и в самом деле казалось невероятным, что в то время, как целая армия окружала столицу, в одной из гостиных Парижа могли скучать или даже просто убивать время.

Это мучение длилось ещё почти час, до тех пор, пока месье Адлер (будь он благословенен), мой отец, не вернулся домой. Хлопнув дверью, отодвинув в стороны слуг, он влетел в гостиную, не сняв пальто, с которого ручьями стекала вода.

– Леопольд! – тотчас прозвучал суровый укор моей матери.

А мне показалось, что вместе с отцом в комнату влетела яркая вспышка пламени. Я поняла, что это молния сверкнула за окном. Тучи, которые начали недавно собираться, теперь сгустились, потемнели и обрушили на город необыкновенный ливень.

– Как чудесно! – воскликнула я. – Дождь!

И тем самым заставила побледнеть от испуга юных парижанок в гостиной, которые никогда в жизни, наверное, не бегали по лужам.

– Ирэн! – обратился ко мне отец, словно пришёл сюда только ради меня. И сразу же добавил: – Добрый вечер, мадам. – Потом снова взглянул на меня своими хитрыми глазами, которые всегда превращали его в проказника-мальчишку, заставляя забыть про взрослого делового человека, магната железных дорог и стали.

Я посмотрела на него и тотчас почувствовала на себе колкий, завистливый взгляд мамы, которая, глядя на нас с отцом, казалось, всякий раз задавалась вопросом, в чём секрет нашего удивительного взаимопонимания.

– Собирай чемоданы! – сказал отец. – Всем собирать чемоданы. На будущей неделе Офелия Меридью в последний раз выступает в «Ковент-Гардене» – будет петь в новой опере прославленного Джузеппе Барцини.

– Офелия Меридью? – переспросила я, поразившись, что отец назвал имя самой великой певицы всех времён.

– «Ковент-Гарден»? – спросила мать и, как мне показалось, едва не вскочила со стула. И поскольку в Париже не было ни какого-либо заведения, ни театра с таким названием, она добавила: – А где же, дорогой, этот «Ковент-Гарден»?

– Вы правильно поняли! – воскликнул отец. – Едем в Лондон!

Нетрудно представить, какой переполох вызвало неожиданное сообщение отца в уважаемой семье Адлер. Но вот чего я совершенно не могла предвидеть – известие это и последовавшие за ним события полностью изменили мою жизнь.

В тот вечер ужин был накрыт ровно в семь тридцать. Он состоял из тёмного, табачного цвета бульона из каплуна, и я развлекалась тем, что подсчитывала, за сколько секунд потонут в нём гренки.

Родители снова заговорили о той новости, с помощью которой отец прервал скучнейший визит парижских дам. Они ещё не обсуждали её, потому что мама сочла невозможным делать это в присутствии гостей, даже если дамы, вполне понятно, не очень-то были расположены расходиться. Для некоторых женщин вмешиваться в чужие дела – слишком привлекательное занятие!

Папа привёл себя в порядок, переоделся и надушился одеколоном, который я так любила, а некоторые из наших лучших друзей, напротив, считали неприятным. Ведь он происходил из той самой страны, что вторглась во Францию, с которой мы воевали.

Напомаженные усики отца, однако, словно говорили: «А мне всё равно!» – и лёгкая улыбка выражала при этом некоторое удовлетворение. Он был оптимистом, мой отец. Мне кажется, я так и слышу, как он повторяет свою любимую в то мрачное время фразу: «Войны ведутся время от времени, а дела делаются всегда!»

Надо ли говорить, что мама выглядела весьма опечаленной. И как всегда, непонятно было, то ли из-за самого предложения, то ли из-за формы, в какой оно было сделано. Привыкнув, согласно хорошему тону, не отличать форму от содержания, она оказалась в некотором затруднении.

– Так значит, эта Офелия, дорогой... – произнесла она.

Этого оказалось достаточно, чтобы папа со всем пылом принялся рассказывать об успехах Меридью, восторженных отзывах критиков и необыкновенном восхищении, какую она вызывала у публики.

– Но ведь следует признать, Леопольд, что в этой ситуации... – попробовала возразить мама.

Ситуация – единственное слово, которое она считала возможным употреблять, когда имела в виду войну.

Я, должно быть, слишком шумно отхлебнула бульон, потому что на меня посмотрели.

– Ирэн тоже её обожает, – тут же произнёс отец, ловя мяч на лету. – Не так ли, детка?

Я подтвердила. И мне не пришлось притворяться. Офелия Меридью была точкой отсчёта, неким миражом, на который ссылались мои преподаватели пения.

– Мадмуазель Гамбетта тоже говорит, что такого голоса, как у Офелии, нет больше ни у кого и что слушать её – особая привилегия.

– Слышала, моя дорогая? – обрадовался папа. – Особая привилегия. И ты хотела бы отказать в особой привилегии в такое время, как наше?

– Леопольд, – вздохнула мама. – Мы с Ирэн только что вернулись после отдыха у моря. Я ужасно устала... Одна только мысль сразу же оправиться... в Лондон... пугает меня. Да и как ехать? Разве работает транспорт? Я слышала, что город заблокирован, что масса людей из провинции наводняет Париж...

– Глупости! – сказал папа. – Я уже всё устроил.

– Уже устроил... Даже не спросив меня?

– Да ладно, дорогая!

– Не повышай голоса, Леопольд!

– Я не повышаю.

– Нет повышаешь!

И они продолжали свою добродушную перепалку, походившую на состязание двух рыцарей: один в стальных доспехах и с копьём, другой в резиновой арматуре, от которой копьё отскакивало.

И хотя я не имела ни малейшего представления о том, что на самом деле происходит в городе, всё же понимала истинное намерение папы – увезти нас как можно дальше от войны, и поэтому меня удивляло мамино упрямство.

Улучив момент, я вмешалась:

– Мадмуазель Гамбетта сказала, что, если бы Офелия приехала в Париж, она сделала бы всё, что угодно, лишь бы повести своих учениц послушать её. Потому что невозможно понять суть вокала, не услышав Меридью.

Родители в растерянности замолчали. Учиться пению меня заставляла мама, которая считала, что это необходимо для вхождения в общество.

– В самом деле, так и сказала? – спросил папа, довольный моей поддержкой.

По правде говоря, мадмуазель Гамбетта была убеждена, что намного превосходит самую великую на данный момент оперную певицу. Превосходит, но, к сожалению, из-за невезения или каких-то интриг её недооценивают.

– Да, – подтвердила я на всякий случай. – Так именно и сказала.

И постаралась избежать мамино взгляда, но кожей почувствовала, какой он холодный.

– И когда же, скажи на милость, – съязвила мама под звяканье серебряных приборов, – мадмуазель Гамбетта слушала Офелию Меридью?

– Ох, – вздохнула я, – это надо спросить у неё.

– Ну, если так сказала Гамбетта, то... – проговорил папа и позволил себе хороший глоток вина.

Потерпев поражение, мама не стала возражать, а мне пришлось удержаться, чтобы не подмигнуть папе.

– Так значит, едем? – спросила я, пока мистер Нельсон убирал со стола.

– Ну! – широко улыбаясь, произнёс папа. Он всегда обозначал таким восклицанием свою победу.

На том вечер и завершился.

Я ушла в свою комнату как раз вовремя, чтобы не слушать продолжение спора.

Родители перешли в гостиную и оттуда отправились на второй этаж. С лестницы доносились их голоса – сердитое ворчание мамы и примирительный, дружелюбный тон отца, каким, я думаю, он разговаривал на работе с тысячами служащих.

Я села за письменный стол, взяла бумагу, чернила и ручку и засмотрелась на дрожащий огонёк масляной лампы. Ничего не написав, я встала и открыла окно, впустив в комнату лёгкий шум дождя.

Город лежал в темноте, стараясь не обнаруживать себя светом, эхом отдавались шаги редких прохожих, какие ещё появлялись на улице. Вдали на востоке, как раз на линии фронта, я видела вспышки света. Но я даже представить себе не могла, что такое война.

Я думала о Лондоне, который представлялся мне во всём похожим на Париж, только без бульваров и наших прекрасных дорог, мощённых булыжником, без этого подъёма в гору, что ведёт к собору «Сакре кёр» и к холмам за ним.

Подумала о грязи на улицах и рисованных вывесках пабов – для тех, кто не умеет читать. И конечно о том, что могу увидеть Шерлока и, кто знает, может, и Люпена, если бродячая жизнь отца приведёт его туда.

В конце письма мой английский друг оставил почтовый адрес. Может быть, приехав в Лондон, я сумею найти его?

Или, может быть, нужно сначала предупредить его о моём приезде? Но прибудет ли письмо, отправленное туда в военное время, раньше отправителя?

Я снова села за стол и с надеждой посмотрела на лист бумаги. Погрызла кончик деревянной ручки и наконец решилась.

Дорогой Шерлок, – начала я, – ты не представляешь, какая у меня прекрасная новость...

Рано утром я быстро спустилась вниз в поисках мистера Нельсона. Он стоял у дверей, глядя на ещё мокрую после дождя мостовую. Я отдала ему конверт, в который только что вложила письмо.

– Что скажешь, Гораций, дойдёт?

Дворецкий повертел конверт в своих крупных тёмных руках, прочитал имя адресата и не выразил ни малейшего удивления. Только улыбнулся мне и ушёл на поиски почтового отделения или, может быть, какого-то знакомого, уезжающего в Англию.

– Мистер Нельсон! – окликнула я его.

– Слушаю вас, мисс Ирэн.

– Вы тоже поедете с нами в Англию?

Он ответил мне, приветливо помахав конвертом, возможно, в знак того, что имеется некая связь между ним и его словами:

– Миссис Адлер, ваша мама просила меня в её отсутствие следить за вами и ни на минуту не оставлять без внимания.

«В её отсутствие?» – удивилась я. Это означало, что мама не поедет с нами в Лондон? А почему?

Я быстро вернулась в дом и нашла маму, как всегда, безупречно собранную, за столиком, на котором был накрыт завтрак.

– Я не покину свой дом, – ответила она, когда я спросила, правда ли, что она не поедет с нами. – Я не оставлю всё, что у нас есть, этим варварам.

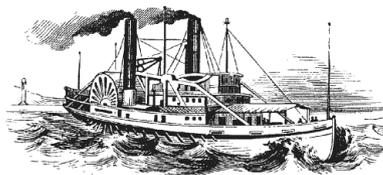
Я ничего не понимала. Я и представить себе не могла, что такое грабежи, разорение и воры повсюду – в каждом доме, на каждой улице. Наверное, мама видела немного дальше, чем я, маленькая девочка.

– А что сказал папа?

– Он сказал, что этот дом ничего не стоит, – загадочно ответила мама, ничего больше не добавив.

На самом деле папа сказал, что дом и вся его обстановка не стоят нас троих. И ушёл спать, добавив, что, если не может увезти нас всех, то увезёт хотя бы меня.

Глава 3. Синий поезд

Утро, когда мы покинули Париж, выдалось необычайно холодным для конца сентября. Желая подчеркнуть свой протест против отъезда, мама даже не стала переодеваться. Она вышла попрощаться с нами в длинном домашнем халате, непричёсанная – такой я ещё никогда не видела её.

Я же, напротив, особенно постаралась. Хорошенько причесалась, надела юбку, которую мои парижские не-подруги сочли бы чудесной, и туфли со шнурками. И хотя у меня длинные, как у жирафа, ноги, всё же пришлось привстать на цыпочки, чтобы поцеловать маму на прощание, при этом я уловила какой-то неприятный аромат, который только спустя годы научилась распознавать как запах алкоголя.

Она порывисто обняла меня, чем очень удивила, потому что такое случилось, наверное, впервые. Никогда прежде мы не соприкасались с ней так близко.

– Будь осторожна, Ирэн, слышишь? – шепнула она мне на ухо.

Очень хорошо помню впечатление, возникшее у меня в тот момент. Как будто с лица мамы соскользнула какая-то маска – маска хорошего тона, за которой она всегда скрывалась. Такой она мне и запомнилась тем утром на пороге дома.

Это был её подлинный облик – со всеми её упрямствами, страхами, слабостями. Когда она обнимала меня, хотелось сказать ей, что я ещё никогда не чувствовала её такой близкой. Но, как это нередко бывает, самые важные, самые настоящие слова почему-то застревают где-то у сердца, и их не удаётся произнести. Так случилось в тот раз и со мной.

– Ну конечно, мама. Ты тоже будь осторожна. – Это всё, что я смогла сказать ей.

Мама не привыкла долго оставаться без защиты своей маски. Я почувствовала, как её руки напряглись, словно она ощутила какую-то неловкость. И когда наши взгляды встретились, она снова оказалась той же матерью, которая всегда держалась на расстоянии, несколько надменной, какой я знала её до сих пор.

Она обратилась к мистеру Нельсону, стоявшему рядом, с разными мелкими указаниями и убедилась, что наши чемоданы уже в карете.

Тут вышел из своей комнаты папа, улыбнулся мне и сказал:

– Ну, давай, поживей! Поезд не будет ждать нас!

Ласково похлопав по плечу, он побудил меня спуститься по лестнице. Я сразу поняла, почему он захотел отослать меня. Чтобы я не видела, как он прощается с мамой. Я спустилась к карете, но села так, что краем глаза всё же смогла увидеть эту сцену. Несколько секунд папа и мама стояли напротив друг друга, как дуэлянты. Она покачала головой и произнесла: «Безумие». Он развёл руками и ответил, что безумие – это оставаться в Париже.

Папа взял мамины руки, прижал их к своей груди и в последний раз попросил поехать с нами, но она обессиленно опустила растрёпанную голову, наверное, для того, чтобы он понял – это и в самом деле невозможно, а может, желая разжалобить его, или не знаю уж, с какой ещё целью.

Но папа не дал себя убедить. Он пожал плечами, поцеловал её в лоб и прошёл к карете, а она опустилась на стул, словно внезапно увядший цветок.

Наша чёрная карета миновала заполненные толпами площади, где парижане собирались на бурные и стихийные собрания. Я увидела также, что несколько человек возводили баррикады из сломанной мебели.

Я прильнула к окошку и спросила папу:

– А это не опасно?

– Опасно, – честно ответил он и постучал тростью кучеру, чтобы тот поспешил.

Мы приехали к огромному зданию Северного вокзала, похожего на новенькую, сверкающую игрушку. Карета привезла нас прямо к путям, и тотчас двое мужчин в строгой форме железнодорожников подошли к нам и поздоровались с папой.

– Месье Адлер...

– Леопольд...

Папа энергично пожал им руки и спросил, как обстоят дела.

Служащие обменялись взглядами, выразившими некоторую неуверенность.

– Пока ещё свободно, но... Поторопитесь, поскорее! – ответили они, сняв фуражки.

– Очень хорошо, – ответил папа. – Спасибо, что нашли нам место.

Сказав так, он взял меня под руку и повёл в здание вокзала, причём держал так крепко, словно боялся потерять. Последнее воспоминание, сохранившееся у меня о Париже – это железнодорожные пути из окна ресторана на втором этаже и как мы втроём поднимаемся в синий вагон поезда, направлявшегося в Булонь-сюр-мер.

Машинист дал такой резкий свисток, что я невольно зажала уши. Через несколько секунд локомотив, пытая, медленно тронулся с места, облако пара окутало вагон и рассеялось над холодным Парижем.

Я опустила наконец на сиденье и только тут поняла, что со мной происходит: мы действительно едем в Лондон!

Папа уже уткнулся в свою газету, а мистер Нельсон достал из жилета книжечку американского писателя Эдгара Аллана По, который, как он сказал, ему нравится, но вряд ли годится для меня.

Я вспыхнула. Терпеть не могла, когда кто-то решал за меня, что мне годится, а что нет. Но я тут же забыла о своём недовольстве, потому что меня привлёк чудесный пейзаж за окном – бескрайняя зелёная равнина и лишь кое-где на горизонте волнистые очертания невысоких холмов.

– Всего несколько лет назад... – проговорил вдруг папа, опуская газету и тоже глядя на прекрасную французскую равнину. – Да нет, что я говорю, совсем недавно, когда мне было столько же лет, сколько тебе, на такую поездку требовалось по меньшей мере два дня. И две смены лошадей. Не говоря уже о бесконечных задержках и остановках, чтобы поесть, поспать, сдать почту...

Тут я, вспомнив о своём письме Шерлоку, взглянула на мистера Нельсона, и он еле заметно кивнул.

Значит, письмо уехало раньше нас, мой друг предупреждён о нашем приезде.

– А теперь, смотрите... Какой прогресс!

Поезд ненадолго остановился в Амьене. Тут вошло и вышло очень много пассажиров. Высунувшись в окно, я увидела, что синий поезд переполнен людьми и вещами, и только мы трое ехали в отдельном купе.

Через три часа мы прибыли в Булонь.

– А теперь что? – спросила я папу.

– А теперь следуй за мной, – коротко ответил он, словно я была одной из его служащих. Я не обиделась. Я видела, что глаза у него блестят от восторга, как у мальчишки, и знала, что понимание человеческой души, особенно детской, не самое сильное его свойство. Мы с папой либо понимали друг друга с полуслова, либо совсем не понимали.

Мистер Нельсон удалился, получив категорический приказ проверить наш багаж.

– Сюда, если не ошибаюсь, – сказал папа и решительно направился к выходу из вокзала.

Мы вышли на небольшую площадь, заполненную колясками и пассажирами, и он огляделся, явно соображая, куда идти.

– Ну конечно, вот сюда! Теперь вспоминаю! – воскликнул он и уверенно направился в сторону улочки, которая вела к порту.

– Папа! – окликнула я его. – А мистер Нельсон?

Он остановился внезапно, словно солдат, которому выстрелили в спину.

– Ах да! – воскликнул он, оторвавшись от своих мыслей. – Куда он делся?

Наш дворецкий вскоре догнал нас, отряхивая перчатки.

– Багаж отправлен на паром, мистер Адлер. – Но папа даже слушать его не стал, а снова поспешил вперёд, успокоившись, что мистер Нельсон рядом со мной.

– Что это с ним происходит? – удивилась я.

– А с вами, мисс Ирэн? – спросил мистер Нельсон.

Я посмотрела на него. Возможно ли, что он догадался, о чём я думаю?

– Я думаю о Лондоне, – ответила я, с интересом ожидая, что он скажет.

– О Лондоне? – переспросил он, улыбаясь. – Или о ком-то, кто живёт там?

И мы вместе поспешили следом за отцом.

– На самом деле я думаю о двух людях. Не об одном.

– Ах, мисс Ирэн! – полушутя рассмеялся Гораций Нельсон. – Вы выбираете друзей, не очень подходящих для такой молодой девушки. И рано или поздно сведёте с ума вашу добрую маму, вы и сами понимаете это, не так ли?

Вместо ответа я в свою очередь задала вопрос:

– А какие у меня должны быть друзья, мистер Нельсон? Дочери маминых подруг? Упаси боже! Неужели вы хотите, чтобы я с утра до вечера только и говорила что о замужестве, туфлях и шляпках?

– Если и в самом деле хотите знать моё мнение, мисс Ирэн... То я не думаю, что вы созданы для подобных интересов. Но, может быть, вы всё же могли бы найти что-то другое, не связанное с преступлениями и убийствами...

– Шерлок и Люпен не преступники, – возразила я.

– Я не говорил этого, – добродушно возразил мистер Нельсон. – Но думаю, мне не стоит продолжать, не так ли?

– Что вы имеете в виду, мистер Нельсон?

– Только то, что видел, мисс Ирэн. Желаю, чтобы у вас был случай встретиться с вашими друзьями. И желаю, чтобы эта встреча не стала началом...

Нас прервало громкое восклицание отца, остановившегося посреди улицы, шагах в пятидесяти от нас.

– Чёрт возьми! Не могу поверить! – Он стоял возле старого, полуразрушенного здания. – Это была лучшая гостиница в городе! – сказал он, указывая на заведение, явно пришедшее в упадок. – Я был здесь мальчиком, много лет назад, приехал вместе с отцом, и, поверьте мне, никогда в жизни я больше не ел такой вкусной утиной грудки, как тут.

Я рассмеялась. Отец посмотрел на меня, и его усы стали топорщиться от негодования, когда он услышал мой смех.

– Это трагедия, поверь мне! Самая настоящая трагедия! – воскликнул он.

– Ты бы посмотрел на себя, папа! – ответила я, продолжая смеяться.

Он вытаращил глаза, но, увидев наконец, что и мистер Нельсон с трудом сдерживает улыбку, тоже рассмеялся.

И все вместе, смеясь, мы весело отправились ужинать в ресторан на пристани, где вместо утиной грудки получили удовольствие от великолепных запечённых с картофелем свиных ножек.

Глава 4. Странная встреча

Несколько часов провели мы с отцом на борту парома. Я навсегда запомнила то, как молча любовались мы морем, наблюдая, как взлетает, а затем разрезает волны нос судна, идущего на опасной скорости.

– Пятнадцать узлов, дочь моя! По меньшей мере пятнадцать узлов! – повторял отец каждый раз, когда волны поднимали и опускали судно, вздымая множество брызг.

Мистер Нельсон предусмотрительно предпочёл остаться внутри парома, и если бы наш крепкий чернокожий дворецкий мог побледнеть из-за морской болезни, то, думаю, мы увидели бы это.

Я радовалась свежему ветру, трепавшему мои волосы, и дышала чистым морским воздухом, вспоминая недавние каникулы и всё, что тогда произошло.

Как и многие другие пассажиры, стоя на носу, я всматривалась в горизонт, надеясь увидеть берег Англии, и даже поспорила сама с собой, что первой воскликну «Земля!».

Но постепенно становилось всё холоднее, небо заволокли тучи, и начал накрапывать дождь.

– Лучше спуститься вниз, – предложил отец, – если не хотим провести в постели все следующие дни.

Он был прав, конечно, и мне пришлось отказаться от своего пари.

Мы сели за столик, нам подали горячий чай и сдобное печенье. Мистер Нельсон спустился на самую нижнюю палубу парома, откуда не видны бурные морские волны. Я заметила, что, уходя, он оставил на скамье книжечку того американского писателя, мистера Эдгара Аллана По. Я не растерялась и тут же, завладев ею, принялась читать.

Папа завёл разговор с какими-то явно деловыми людьми и продолжал его до тех пор, пока паром не начал замедлять ход.

– Приехали! – послышались со всех сторон восклицания, и те, кто оказался на судне впервые, поднялись из-за столов и с волнением смотрели на берег.

Мне стоило некоторого труда оторваться от книги: этот американец отлично писал, чёрт возьми, и его рассказ напугал меня до смерти!

Я посмотрела в иллюминатор. Солнечный луч, прямой и острый, как лезвие, прорезал тучу, осветив знаменитые белые меловые скалы на побережье Дувра.

Я смотрела на них, едва не открыв рот от изумления. Это была Англия. Из всех пассажиров я первая увидела её, но какая-то дама, стоявшая впереди меня, через несколько секунд после того, как появились скалы, воскликнула, обращаясь к мужу:

– Земля! Смотри, Филипп! Да нет, вон там! Прибыли!

И сразу же после того, как скалистое побережье приветствовало нас, тучи снова сомкнулись над паромом.

Я спускалась по трапу, воображая себя знаменитостью или, вспомнив отца Люпена, цирковой артисткой. Трап слегка покачивался под ногами пассажиров, которые шли не спеша, потому что рассматривали толпу встречающих и моряков, заполнявших пристань. Мистер Нельсон, наверное, первым сошёл на землю, и едва ступил на неё – перекрестился.

Папа, шедший следом за мной, объяснил, что теперь нам остаётся только сесть в поезд, который отвезёт нас из Дувра на лондонский вокзал «Виктория», и таким образом, потратив на дорогу всего один день, мы прибудем в столицу британской империи.

– Нет, ты представляешь, всего за один день мы переместились из одного города в другой и даже в другую страну!

Таможенный контроль прошёл ещё на пароме, быстро и в то же время пугающе: эти люди в форме, изучавшие мои документы, а потом и моё лицо, эти нескончаемые мгновения, когда они молчали, а мне казалось, что решают мою судьбу, судьбу моего отца и мистера Нельсона.

И вдруг:

– Добро пожаловать в Англию, мисс! – услышала я слова, произнесённые со смешным акцентом – оказывается, английское произношение отличается от американского!

Чайки летали низко, лавируя между горами чемоданов, выгруженных с парома, и якорными цепями. А вокруг гудела толпа – моряки, пассажиры, и тут же кэбы, ожидающие пассажиров.

Спустившись на берег и обрадовавшись концу путешествия, первое, о чём я подумала, что английская земля точно такая же, как французская, хотя прекрасно понимала, что мысль эта довольно глупая. Мистер Нельсон присоединился к нам, и мне показалось, что за время переезда он похудел на несколько килограммов. Мы двинулись по пристани в поисках экипажа, который отвёз бы нас на вокзал.

Оглушённые шумом и сумятицей, царившей в порту, мы оказались в самой гуще толпы, которая на какой-то момент разъединила нас.

Краем глаза я заметила портового охранника, который торопливо указывал на кого-то или на что-то на пристани, но вокруг находилось так много разных других людей, которые тоже отдавали приказания направо и налево, что я не придавала этому значения.

Оглядываясь в поисках папы и Горация, я поняла причину возникшей суматохи – ловили какого-то попрошайку, судя по лохмотьям и капюшону, а он бежал прямо ко мне. Портовая стража снова окликнула его и кто-то даже попытался задержать, но он дважды очень ловко вывернулся и, неожиданно подскочив ко мне, схватил за руку и пристально посмотрел на меня горящими, словно кошачьими глазами. Я вздрогнула, решив на миг, что оказалась в одной из страшных историй мистера По.

Я так перепугалась, что у меня буквально подкосились ноги, и я упала на мостовую. Попрошайка отпустил мою руку и, перепрыгнув через меня, исчез в толпе.

– Ирэн! – вскрикнул отец, побледнев, бросился ко мне и помог подняться. – Ирэн, что с тобой? Ты в порядке?

– Да, да, – еле пролепетала я, приходя в себя от страха.

– Мисс Ирэн!

– Гораций, чёрт побери! – набросился на него встревоженный отец. – Я же велел тебе не выпускать её из виду!

Никогда ещё я не слышала, чтобы он говорил с мистером Нельсоном в таком тоне.

– Простите, мистер Адлер. Я... я на мгновение отвлекся и...

– Он не виноват, – сказала я... – Это всё убежавший попрошайка...

– Проклятое ворьё! – рассердился отец, оглядывая меня.

– Украл что-нибудь? Всё на месте?

Проверив карманы и полотняную сумку, я с удивлением убедилась, что ничего не пропало. Всё вроде бы на месте.

– Нет, ничего не взял.

– Точно?

Я кивнула.

В самом деле, попрошайка ничего не украл. Скорее поступил совсем наоборот.

Я обнаружила это уже в поезде по пути в Лондон после того, как папа высказал портовым охранникам в Дувре своё возмущение, а мистер Нельсон обрёл свой обычный цвет кожи.

Я открыла сумку, чтобы вернуть дворецкому его дьявольскую книжечку, и вдруг обнаружила сложенный вдвое лист бумаги. Я не помнила, чтобы брала с собой какую-то бумагу или записку, и с удивлением развернула её. И тут сердце моё чуть не выскочило из груди: я мгновенно узнала почерк Шерлок Холмса.

– О... вот негодяй! – возмутилась я.

Выходит, это его пристальный взгляд так напугал меня на пристани?

Я не сразу пришла в себя от удивления, когда прочитала немногие строки, которые он написал. Никакого приветствия, никакого «Моя дорогая Ирэн», лишь весьма решительный тон:

Надеюсь, что за прошедшие недели ты не настолько обуржуазилась, чтобы ожидать «традиционную» встречу! Так или иначе, добро пожаловать в старую Англию. Наш общий друг Арсен Люпен по счастливому стечению обстоятельств находится в Лондоне вместе с отцом. Встречаемся в кафе «Шеклтон», на Карнаби-стрит, 11, в понедельник утром ровно в 10. Мы с Люпеном будем там!

Глава 5. Божественная Офелия

В ту ночь я почти не спала. Номер в гостинице «Клариджиз» оказался роскошный во всех отношениях, а кровать мягкая, словно взбитые сливки. Но слишком многое волновало меня, чтобы я могла уснуть. Перед глазами так и стоял этот дуврский попрошайка, то есть Шерлок Холмс, и я всё повторяла слова его короткой приветственной записки.

Думая о том, что произошло на пристани, я испытывала двойственное чувство: и негодование из-за того, что Шерлок разыграл меня, и восхищение оригинальностью и смелостью его поступка.

Когда же удавалось отвлечься от мысли о моём лондонском друге, тотчас всплывали в памяти другие лица. Люпен, увидеть которого так скоро я, конечно же, и не надеялась... И Офелия Меридью – её портрет в газете, и я радовалась, что увижу её теперь наяву и услышу уникальный голос, завораживающий весь мир. А ещё представлялось мамино лицо, строгое и упрямое, каким запомнилось в последний момент нашего расставания в Париже. Лишь на рассвете я ненадолго уснула неглубоким, тревожным сном, а когда, открыв глаза, увидела свет, проникавший сквозь парчовые шторы, решила подняться с кровати.

Спустившись в холл, я сразу же увидела отца, он был в прекрасном расположении духа. Папа крепко меня обнял.

– Я послал маме телеграмму, – сообщил он, целуя меня в лоб. – Всё в порядке, она может спокойно приехать к нам.

Я улыбнулась в ответ и, посмотрев на отца с искренним восхищением, подумала, как же нам с мамой повезло, что рядом с нами такой добрый и заботливый человек.

– Ты удивилась, наверное, почему я не настоял на том, чтобы она поехала с нами, – продолжал отец, подводя меня к столику в ресторане. – Просто я хорошо знаю твою маму и понимаю, что иногда нужно уступить ей, чтобы она сама приняла решение. Если настаивать, будет только хуже, а так обычно, спустя несколько часов, она понимает, что прав я! – заключил он, радуясь, что может поделиться со мной такими соображениями.

Мы сели за столик и заказали пантагрюэлевский завтрак по-лондонски. И пока расправлялись с яичницей, сосисками и рисом с треской и специями, папа рассказал о планах на сегодняшний день. Он считал, что мы ни в коем случае не должны устать к вечеру. И предложил прогуляться по Лондону в кэбе, а потом, прежде чем отправиться в театр, ограничиться лёгким ужином в гостинице.

– Это единственный способ не устать к вечеру, понимаешь, Ирэн? – объяснил он мне, откусывая намазанный маслом хлеб. – Ты должна отдохнуть, и голова должна быть свежей. Искусство божественной Офелии Меридью заслуживает этого!

Я кивнула, захваченная папиным энтузиазмом, и тут же удивилась какому-то необычному шуму – поблизости раздалось нечто среднее между мычанием и клокотанием кипятка. Я обернулась и поняла, что так странно смеётся ещё более странный человек, сидевший за соседним столиком, – высокий, тучный, с круглым лицом, обрамлённым густой каштановой бородой, в ярко-синем фраке. Мне показалось, он смотрит на нас с папой. Да так оно, собственно, и было.

– Мистер прав! – сказал он на ломаном английском, когда я встретилась с ним взглядом. – Совершенно прав!

– Рад слышать это, сэр, – ответил отец, протягивая в его сторону в знак приветствия чашку с чаем.

Огромный человек снова рассмеялся и представился. Незнакомец оказался русским – князь Сергей Голицын, который специально приехал в Лондон из Санкт-Петербурга на последний спектакль с участием Меридью.

Они с отцом увлечённо заговорили об оперной музыке, и я с удовольствием слушала их оживлённый разговор о бельканто.

– Не знаю, самый ли он великий композитор всех времён, но определённо мой самый любимый! – сказал папа, когда разговор зашёл о Джузеппе Барцини.

– Согласен с вами, друг мой! – ответил князь. – И подумать только, что ещё несколько лет назад я был в числе тех неверующих, которые считали, что маэстро кончился. А ведь какое заблуждение, друг мой!

– Не стоит так упрекать себя, сэр, – деликатно возразил папа. – Нельзя не признать, что в какой-то момент действительно казалось, будто вдохновение покинуло великого Барцини. Но потом...

– Потом он выставил дураками всех, кто думал, как я, друг мой! – прервал его князь.

Тут рассмеялись мы все трое.

– В самом деле, последние две оперы маэстро великолепны, в них столько силы, энергии! – согласился папа.

– Ну конечно! – продолжал Голицын. – У этого гения открылось, как говорится, второе дыхание, поверьте мне, дорогой друг!

Сказав это, князь поклонился нам и снова обратился к своей тарелке с внушительной порцией сосисок.

Знакомство с князем Голицыным привело папу в отличное расположение духа, и дальше время в ожидании великого события, предстоявшего после ужина, пролетело очень весело и быстро.

Во время долгой прогулки я рассматривала из кэба улицы Лондона и немало подивилась. Город показался мне не таким красивым, как Париж. Но здесь, словно в едином бурлящем котле, соседствовали самые различные элементы – от мелких до грандиозных, и это создавало ощущение огромной жизненной силы, которая произвела на меня необычайное впечатление.

Вернувшись в гостиницу, мы довольно легко и быстро поужинали бульоном с отварной говядиной, и я отправилась в свой номер переодеться. Вечер предстоял совершенно особый, мне хотелось выглядеть подобающим образом, и, прихорашиваясь, я целый час провела у зеркала. Когда усмиряла последний, непослушный завиток, в дверь постучали.

– Ирэн, пора ехать! – сказал папа. – Кэб ждёт нас!

Я бросила на себя ещё один взгляд и, решив, что непокорный завиток станет сегодня вечером моей «оригинальной ноткой», поспешила к папе.

До сих пор помню, каким восторгом засияли его глаза, когда я открыла ему дверь и он увидел меня в вечернем платье бледно-василькового цвета.

– Ирэн! Ты просто восхитительна! – воскликнул он, беря меня под руку.

Возле гостиницы к нам поспешил мистер Нельсон и провёл к кэбу. Поездка заняла минут десять, и вот мы уже у парадного подъезда в Королевский оперный театр, самый знаменитый, – «Ковент-Гарден» – и вместе с оживлённой публикой поднимаемся по широкой лестнице. Я чувствовала себя необыкновенно легко, будто за спиной выросли крылья, а сердце билось как никогда.

У входа в театр папа встретил весьма элегантного мужчину с густыми седыми бакенбардами. Это оказался мистер Джабкинс, богатейший лесоторговец, который в тот вечер ждал нас в своей ложе. Папа рассыпался в благодарностях, которые поначалу, честно говоря, мне показались даже чрезмерными.

Но стоило лишь войти в театр, как я поняла, что ошиблась. В фойе, элегантном и строгом, в соответствии со вкусом англичан, казалось, и в самом деле собрался весь цвет старой Европы.

Между высоких мраморных колонн я увидела пожилых господ в дипломатических мундирах, дам, увешанных невообразимыми драгоценностями, курсантов военных училищ, молодых отпрысков знатных семей и важных, тучных господ во фраках...

Было очевидно, что находиться здесь в эту минуту – особая привилегия, которая даётся лишь очень немногим, только тем кому повезло.

Мы с папой обменялись приветствием с жизнерадостным князем Голицыным, при этом я заметила, что взгляды многих обращены к трём фигурам, стоявшим в стороне.

Я тоже посмотрела туда и в одном из собеседников узнала маэстро Джузеппе Барцини с его пышной седой шевелюрой.

Двое других мужчин выглядели намного моложе него, и я не знала, кто это. Какая-то дама, стоявшая рядом, заметив очевидно, что я с нескрываемым любопытством смотрю на них, шепнула мне:

– Высокий юноша с чёрными усами – это Альфред Санти, секретарь Барцини! Говорят, необыкновенно талантливый молодой человек. А блондин – новый любимец маэстро, некий Анри Дюваль. Француз!

Я поблагодарила миссис за эти сведения и принялась наблюдать за молодыми людьми, которых мне только что назвали. Таким образом я невольно оказалась свидетельницей забавной сцены. Какой-то невысокий человек во фраке с цилиндром в руке представился Барцини, желая выразить ему своё уважение, и тот горячо поблагодарил его. Молодые секретари маэстро, в свою очередь желая ответить на приветствие незнакомца, так дружно склонились в поклоне, что стукнулись лбами.

Я едва успела зажать рукой рот, чтобы сдержать смех. А молодым людям, напротив, было совсем не смешно. Санти горячо выразил французу своё возмущение, и тот, покраснев, ответил ему так же резко. Пришлось вмешаться Барцини, чтобы утихомирить их. Молодые люди умолкли, но продолжали обмениваться гневными взглядами.

Я хотела было рассказать папе об этом смешном эпизоде, но тут публика в фойе загудела.

– Идёт!

– Это она!

– Королева!

Несколько пажей в ливрее раздвинули толпу. Мы с папой ещё никогда не видели вблизи коронованную особу и с волнением смотрели на неё. А затем вместе со всеми присутствующими поклонились королеве Англии Виктории.

После прохода монаршей особы толпа, собравшаяся в фойе, медленно перетекла в зрительный зал. Мистер Джабкинс подошёл к нам с папой и проводил в свою ложу, где в этот вечер собралось немало народу. Ложа находилась в прекрасном месте.

Я достала из шёлковой сумочки театральный бинокль и принялась рассматривать зал. Партер внизу походил на волнующееся озеро. Настраиваемые в оркестровой яме инструменты словно озвучивали нарастающее ожидание публики.

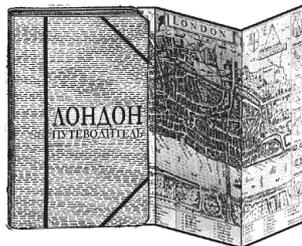
Я рассматривала украшенные цветами ложи и вдруг встретила взглядом с молодой женщиной, сидевшей в другом конце зала, которая смотрела прямо на меня. Очень элегантная дама с бледным, тонким лицом. И тут в моей памяти словно сработал какой-то тайный механизм. Я почему-то вспомнила, как совсем недавно, летом, в Сен-Мало мимо меня прочалась карета...

Я вздрогнула. Я уже видела эту женщину!

Но тут свет стал гаснуть, и зрительный зал погрузился в темноту. Открылся занавес, и странное впечатление, связанное с этой женщиной, стёрлось из памяти.

На сцене появилась божественная Офелия.

Глава 6. В городских трущобах

Мне не найти слов, чтобы рассказать о переживаниях, охвативших меня в тот вечер, когда я слушала Офелию Меридью. И хотя в дальнейшем музыка всегда занимала немалое место в моей жизни, я никогда больше не испытывала такого глубокого волнения и восхищения, как в тот раз.

На сцене представляли оперу Джузеппе Барцини «Заговор судьбы», в которой рассказывалась трагическая история любви. Завершалась она тем, что героиня, превратившись в белоснежного ангела, навсегда расставалась со своим возлюбленным.

Когда шла эта последняя сцена, я смотрела на Офелию в бинокль, и меня поразили её огромные глаза, полные тревоги. Это была не искусная актёрская игра, а подлинное тревожное волнение, едва ли не испуг.

Выйдя из театра, и потом, пока ехали в кэбе, мы с папой молчали, лишь иногда вздыхали. Слишком потрясла нас печальная история, представленная на сцене.

И тот факт, что Леопольд Адлер не был моим настоящим отцом, как я узнала позднее, не имел никакого значения, потому что мы были с ним близки, как настоящие отец и дочь, во многих других, более важных вещах, чем внешнее сходство. И при всём этом оставались очень похожими.

Подтверждение тому, что «Заговор судьбы» оставил в моей душе глубокий след, я получила несколько часов спустя, поздно ночью, когда смогла наконец уснуть, – мне приснилась Офелия Меридью.

В белоснежном ангельском одеянии, как в последней сцене оперы, она шла мне навстречу по огромному, окутанному туманом лугу. Я снова увидела её испуганный взгляд, который так порастил меня в театре. Офелия приблизилась ко мне и шепнула:

– Помоги мне!

Я потянулась к ней, желая обнять, но она превратилась в лёгкий силуэт, растаявший в тумане. Я бросилась было за ней, но меня окутали плотные облака. На этом сновидение окончилось, и я погрузилась в крепкий и долгий сон. Даже слишком долгий, по правде говоря.

Когда открыла глаза и взглянула в окно, поняла, что уже позднее утро. Ещё никогда в жизни я не просыпалась с таким странным ощущением, как в тот раз. Мне показалось, будто я несколько часов находилась в какой-то необыкновенной, нереальной сфере, куда переместила меня музыка Барцини и голос великой сопрано. А теперь сфера лопнула, выпустив меня в реальный мир, где время течёт нормально. Это произошло утром в понедельник.

– Шерлок! Люпен! – воскликнула я и, вскочив с кровати, раздвинула шторы и посмотрела на часы.

Половина десятого! Через полчаса я должна быть на Карнаби-стрит, чтобы встретиться с друзьями. Мне не хотелось выглядеть перед ними глупой ломакой, заставляющей ждать на

свидании, и я поспешила. Несколько минут хватило, чтобы привести себя в порядок. Папы в его номере не оказалось, очевидно, он уже спустился к завтраку.

Я сбежала по лестнице, но не нашла его и в ресторане. В растерянности я металась по отелю, пока не обнаружила отца под лестницей, где находился телеграф. Мне хватило одного взгляда, чтобы понять: в сравнении со вчерашним вечером настроение у него совсем другое. Он выглядел очень обеспокоенным.

– Вы уверены? Проверьте ещё раз! – говорил он телеграфисту.

– Простите, мистер, но я повторяю: никакого сообщения из Парижа для вас нет, – ответил тот.

– Твоя мама... – произнёс папа, обращаясь ко мне и не тратя времени на приветствие. – Я просил её подтвердить свой отъезд из Парижа, но... ничего нет!

Мне хотелось успокоить его, но уже не оставалось времени.

– Папа, это просто недоразумение. Не волнуйся! – сказала я и попросила позволения встретиться с друзьями на Карнаби-стрит.

– Хорошо, дорогая, – согласился папа, пытаясь улыбнуться. – Но только вместе с мистром Нельсоном, и ни в коем случае не отходи от него, договорились?

Я обняла папу, никак не реагируя на этот совет, и выбежала на улицу. Гораций стоял у входа и курил трубку. Я попросила его как можно быстрее найти кэб. Наш дворецкий, как всегда, постарался, и уже через несколько минут мы сидели в небольшом кабриолете.

Я пообещала кучеру хорошо заплатить, если он привезёт меня на Карнаби-стрит к десяти часам. Он постарался, но лондонские пробки не позволили ему совершить чудо, так что, когда, пробравшись сквозь рыночную толпу, мы подъехали к кафе «Шеклтон», я опаздывала уже минут на десять. Но я всё рано дала кучеру хорошие чаевые – он ведь старался! – и вышла вместе с Горацием из кэба.

Мы словно окунулись в яркий рыночный мир с его разнообразными красками, запахами, призывными криками торговцев. Несмотря на шумное многолюдье, я сразу разглядела на другой стороне улицы высокого мальчика в лёгкой шерстяной накидке. Сердце моё вздрогнуло. Это был Шерлок Холмс.

Мистер Нельсон тоже увидел моего друга и обернулся ко мне. Я прочитала в его взгляде: «Не беспокойтесь, мисс Ирэн, я всё понял. Постарайтесь только не попасть в какую-нибудь переделку!»

– Буду ждать вас здесь с кэбом ровно в полдень, договорились? – произнёс Гораций, намереваясь удалиться.

– Договорились! – согласилась я и обняла дворецкого, нисколько не задумываясь о том, что воспитанная девочка ни в коем случае не должна была бы делать ничего подобного.

Я была счастлива вновь увидеть моих лучших друзей и охотно обняла бы и Шерлока, но сначала он должен был кое за что ответить.

– Здравствуй, Холмс, – сказала я подчёркнуто ледяным тоном. – Вижу, ты успел привести свою одежду в порядок, рада за тебя! Хотя, знаешь, лохмотья попрошайки очень даже идут тебе!

Шерлок рассмеялся, высоко запрокинув голову.

– С приездом, Ирэн Адлер! – приветствовал он меня. – Выходит, ты и впрямь обуржуазилась, как я и опасался!

– Не так уж чтобы очень, раз я всё-таки здесь! – с каменным лицом ответила я.

Шерлок промолчал. Я заметила, как наморщился у него лоб, очевидно, он соображал, действительно ли я обиделась на него за тот небольшой спектакль, который он устроил в дуврском порту. Открыл было рот, думая что-то сказать, но опять промолчал. Он действительно находился в затруднении. И тогда я решила, что отмщена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.